

6 апреля 1958 года вышел первый номер газеты "Литературная Россия". Поздравляем коллег с юбилеем!

"ЗАВТРА". Вячеслав Вячеславович, своё 60-летие "Литературная Россия" встречает в каком состоянии — взлёта, парения, некоторого уныния, может быть?

Вячеслав ОГРЫЗКО. В рабочем состоянии. И это несмотря на то, что уже два года редакция находится между небом и землёй из-за непонятных действий правительства Москвы, которое два года назад без объявления причин предложило нам выселиться, заявив, что якобы это связано с программой благоустройства Москвы и якобы предстоит капитальный ремонт нашего здания. Мы просили дать нам на время ремонта какое-либо помещение или хотя бы гарантию, что по окончании ремонта мы сможем вернуться в нашу редакцию. Но ни гарантий не было дано, ни помещений не выделено. Хотя помещение для нашей газеты выделяло

Но, несмотря на это, мы ни на один день не прекращали работу над номерами газеты, потому что главная наша задача — информирование россиян о том, что происходит в стране и мире, показ своего видения решения острейших ситуаций. Прежде всего нас заботит происходящее в области культуры, мы следим за литературным процессом. Мы государственники, интересы государства, в котором мы живём, для нас превыше всего. Это одна из отличительных черт нашей газеты.

Вячеслав ОГРЫЗКО: «Мы – государственники»

не нынешнее правительство Москвы. Ещё с момента создания редакции (тогда она называлась "Литература и жизнь") в 1958 году решениями директивных органов ЦК КПСС, советского правительства мы находимся в здании на Цветном бульваре.

И вот прошло два года, а ремонт, ссылаясь на который, нас выгоняли, даже и не начинался. Можно рассмотреть два варианта, почему нас выжидали. Первый — это политическая расправа за наши критические статьи, в которых мы по целому ряду моментов критиковали правительство Москвы. В частности, за уничтожение киосков прессы! Москвичей практически лишили удобства покупать по утрам нужные газеты. Второй вариант — кому-то понадобился лакомый кусочек земли в центре Москвы, где находится наша редакция.

"ЗАВТРА". Что в вашем издании — соблюдение традиции, и что — авангард, необходимый любому современному изданию, особенно тому, которое отражает творческие процессы?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Безусловно, люди, которые не помнят своего прошлого, обречены на поражение. Но надо всегда задумываться о будущем. Дело — в разумном сочетании. Мы всегда помним и ценим своё прошлое. Оно было неоднозначным. К примеру, поработав в Российском государственном архиве литературы и искусства, мы обнаружили, что газета в начальные годы своего существования по каким-то причинам не напечатала первые стихотворения Новеллы Матвеевой, рассказы Виталия Сёмина, Виктора Конецкого. Мы

отдаём запоздалые долги, публикуем произведения, не напечатанные тогда. Но это не столько о традиции, сколько о возвращении долгов.

А традиции, например, в том, что в своё время в газете печатались первые рассказы Василия Шукшина, Валентина Распутина.

Конечно, для нас важно, что сейчас будет эти традиции поддерживать и развивать, но всегда актуален и вопрос о новых формах, о новом содержании. Мало кто знает, что короткое время в середине семидесятых годов прошлого века в нашей газете работал Саша Соколов, который потом перебрался в Канаду. Он много

ую терминологию. Мы подчёркивали: мы — государственники. Это понятие более широкое, открытое и всеобъемлющее.

Литературные журналы, которые себя позиционируют как либеральные, изначально пытались заявлять о себе как о кастовых. Говорили, к примеру, что открыты только для таких-то писателей, а другие и не суйтесь к нам. А мы предупреждали: с такой позицией растеряете последних читателей. Надо исходить из того, как и что люди пишут, насколько они востребованы в обществе и насколько необходимо их продвигать. Нелзя замыкаться на чём-то одном. В некоторых изданиях, в том числе патриотических, прямо заявляли: будете пе-

Беседа с главным редактором газеты «Литературная Россия»

экспериментировал. Удачны были его поиски или неудачны — об этом до сих пор можно вести дискуссии. Да, всё должно быть в меру. Но ничего не надо запрещать. А какие-то ограничения сам художник должен перед собой ставить.

Кстати, в своё время первые свои произведения у нас печатал Александр Проханов. Он тогда выступал как певец русской деревни, русской культуры, следовал этим традициям. Потом обратился к другим проблемам, которые тревожили его душу, и в конце восьмидесятых годов у нас в газете появился блестящий цикл его статей об оборонном сознании. И знаменитая статья "Трагедия централизма" была тоже напечатана именно у нас.

Где здесь традиция, где авангард? Как эти пропорции измерить? Важно то, чтобы всё это пошло на пользу человеку, обществу.

Нами пережиты страшные годы. Многое изменилось в народе, в культуре, и страна по многим причинам перестала быть читающей, исчезла литературоцентричность. Заговорили даже о гибели литературы. Сплошной негатив обрушился на страну, многие критики тогда говорили, что литература должна подавать примеры оптимизма и едва ли не требовали наложить запрет на негатив. Я был категорически против этого. Нельзя указывать художнику что писать, запрещать нельзя. Если болят его сердце и душа, он переживает, что творится неладное в его стране, и он хочет высказать боль, то почему он не может об этом сказать? Важно то, с каким сердцем он пишет, что в душе: камень за пазухой держит или видит выход из туннеля и хочет показать просвет.

Мы всегда делали ставку на те имена, которые уже устоялись в литературе, привлекают всех и вся. Нам интересно открыть и что-то новое.

Когда тем или иным нашим коллегам было трудно, газета подставляла им плечо и в плане публикации, и работы, и организационно.

Мы открыты для разных течений, для любых диалогов. Мы не приемлем только одного — предательства по отношению к своей родине. Для таких людей дорога в нашу газету закрыта.

"ЗАВТРА". В чём особенность "Литературной России" по сравнению с другими литературными изданиями?

Вячеслав ОГРЫЗКО. Когда все разделились на демократов и патриотов, мы сказали, что это неверное определение. Есть много интересного и разумного и у демократов, и у патриотов. Не надо делить всех на эти словечки. Патриоты могут быть и традиционалистами, и авангардистами, у демократов тоже может быть немало разумного и хорошего. Надо использовать дру-

чататься там-то и там-то — нам свои работы даже не предлагать.

Такая позиция не правильна.

Помню реакцию Натальи Ивановой, когда Роман Сенчин напечатал в "Дне литературы" рассказ "Гаврилов". Она не сказала, хорош или плох рассказ, а с возмущением спросила: "Вы что, Роман, сделали свой выбор?" Имея в виду выбор в пользу того или иного литературного лагеря. Но почему у нас должно быть "лагерное" мышление? Тем наша газета и отличается, что мы даём слово представителям самых разных течений, направлений, считая, что дискуссия, споры есть самый интересный и продуктивный способ развития литературы. А попытки опять делить на "красных" и "белых" я считаю неправильным подходом.

Вот, например, мы собрались провести в своей редакции круглый стол по творчеству одного из самых перспективных прозаиков (тогда ещё поколения тридцатилетних) Романа Сенчина. Решили пригласить на обсуждение разных людей. И Владимира Бондаренко, потому что Роман печатался с некоторыми рассказами в газете "День литературы"... И Сергея Чупринина, потому как некоторые повести Сенчина печатали тогда на страницах журнала "Знамя"... И команду из "Нового мира" позвали, где он тоже публиковался... И что мы услышали? В "Знамени" с нас потребовали подробную справку — кого мы пригласили на обсуждение. Их ответ был такой: мы не будем участвовать, потому что не согласны с теми, кого вы пригласили.

Извините, если вы не согласны, то вот вам дискуссионная площадка, открыто говорите, с чем не согласны, почему не согласны, услышите доводы других. Может быть, вы измените свою позицию. А может, укрепитесь в своём мнении.

Меня возмутила история, о которой я недавно узнал, что в одном из журналов, исповедующих патриотизм, отказались печатать новый роман Александра Проханова, одного из самых интересных прозаиков нашего времени. Отказ исходил от лица соучредителей. Я бы ещё понял, если бы обсуждали художественность романа, убедительность, актуальность, или редакционный "портфель" был бы полон яркими произведениями, которые могли бы по своему накалу соперничать с Прохановым. Но запрет на публикацию романа был по причине того, что Проханов — сторонник и пропагандист красного проекта! И поэтому не может печататься в истинно патристическом журнале. Я такой истинный патриотизм не понимаю и отвергаю.

Этакая продолжающаяся гражданская война только всем вредит, и наша газета выступает против этого.

Материал подготовила
Ирина СЕРГЕЕВА

Музы и хранительницы

Портреты жён художников в Музее русского импрессионизма

"Он в старой раме, с блеклыми тонами, В губах усмешка, взгляд лукав и строг, И, кажется, везде следит за нами, Чуть в комнату вступаешь на порог".

Валерий БРЮСОВ.
"Портрет женщины".

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА — едва ли не самый распространённый мотив общемирового искусства. Это, в конце-то концов, удобно: муза, она же — хозяйка. С утра позирует, потом — идёт варить рассольник. Впрочем, это слишком грубо и упрощённо. В советской мелодраме, которая так и называлась, — "Портрет жены художника" (1981) — сыгран устойчивый типаж: героиня Валентины Теличкиной буквально растворяется в муже, а у него, как назло, творческий кризис. Депрессия и отрицание. Зависть к молодым и хватким. Что же она? Становится его надёжным "тылом". Притом, что сама яркая личность, но — исполнена ангельского прития. Он её вселенная. Она его отражение. Доводилось читать мнение одного старенького французского культуролога, он сравнивал изображения любовниц и жён. Был многогласен, будто бы хвастаясь сомнительным знанием альковных тайн, однако, вывод он сделал феноменальный: пассив рисуют приукрашенными, а вот законная половина — чаще всего такая, как есть. Исключения — редки. Любовница всегда "зашифрована": не всем интересны похождения Рафаэля и Фортнарии или, допустим, Брюллова с графиней Самойловой. Увековечены раскрасавицы, но копаться в чужом белье — увольте. Жёны — явление. Мастер гордо подписывает: "Прошу ознакомиться, моя хранительница, мать детей и вообще — Богом данная". Эти полотна, как правило, тёплые. Домашние. Родные. Хотя, можно ли говорить о тихой семейной идиллии, когда речь заходит о Наталье Нордман-Северовой или Вере Боссе?

В Музее Русского Импрессионизма открыта уникальная экспозиция с лаконичной и будничной вывеской "Жёны". Устроители сообщают, что представлено "...более 40 портретов возлюбленных великих русских художников. Среди них — Илья Репин, Михаил Врубель, Валентин Серов, Борис Кустодиев, Игорь Грабарь, Пётр Кончаловский, Борис Григорьев, Кузьма Петров-Водкин, Александр Дейнека, Роберт Фальк, Константин Юон, Сергей Судейкин, Юрий Пименов и многие другие". Список — впечатляет. Не просто женщины-супруги в домашних или — нарядных платьях, но смена стилей, направлений, вкусов. Движение от передвижничества — к импрессионизмам, авангарду, метамизму, чтобы затем успокоиться догмой соцреализма...

Жена Илья Репина слыла экстравагантной особой: скорее дурнушка, чем Афродита, болтлива, криклива. Наталья Нордман-Северова никогда не стремилась понравиться окружающим и, наоборот, поэтому в неё влюбился гениальный мастер. Кто же она? Посредственная и бойкая писательница, да к тому же — неутомимый борец за права женщин, детей, животных. Она отказалась от мяса и, как злословили недоброжелатели: "Кормит Репина сеном". Деспотична и жестка, что в сочетании с буйной оригинальностью — та ещё взвесь. Удовольствие ниже среднего. Только любит не за "что-то", а — вопреки. Одевалась Нордман без маломальского вкуса: на выставочном портрете (1909) мы наблюдаем грузную и при этом чрезвычайно живую даму в аллом берете и нарядке интенсивно-зелёного цвета. Вызывающий облик дополнен платьем из "всёлёнкой" ткани. Главное тут — сияние глаз, умных и пронзительных. Ради таких-то очей Репин был готов на всё — даже кушать пресловутое сено.

Иного склада Ольга Трубникова — жена Валентина Серова. Держалась по-адаму, скромно, воспитывала шестерых детей. Её подруга Мария Львова-Симонович констатировала: "Миниатюрная, с мелкими чертами лица, большими серыми глазами около маленького остренького носика была похожа на голландку, что муж ей неоднократно и говорил. Не имея никаких запросов к своей собственной жизни, она сплугила Серова, как отклик всех его художественных желаний и обставила его жизнь во вкусе, который ему подходил". Тут — и уважение к правильно усвоенной женской доле, и — подспудное раздражение. Как же так? Трубникова и сама имела многочисленные способности. А стала тенью. Пусть и любимой, но — тенью. На портрете она — худенькая, изможденная и задумчивая. В обычном, безо всяких украшений, платье — не при параде. Друзья и заказчики Серова обожали Трубникову, она казалась "лучом света". Неслучайно педагог-живописец Павел Чистяков (любимый учитель Серова) оценил выбор своего ученика: "Ну, с такого лица только ангелов писать".

Не всем так везло, как Серову. Точнее — не всем нравились добрые ангелы. Кому-то подавая фурию и гурию. Вера Боссе — настоящая фамм-фаталь Серебряного века: выразительная фигура, манящие губы. Нимфа шведско-французского происхождения — из весьма обеспеченного семейства, она, кстати, чем только ни занималась в своей жизни: балет и кинематограф, искусствоведение и философия. Коснувшись до всего слегка. Ни в чём не имея особенного таланта, она хотела взять количеством — всем-то сходу загора-

лась, везде-то жаждала приобщиться. Пару раз бывала замужем. Но! В 1915 году судьба свела её с эксцентричным художником Сергеем Судейкиным. Дива тут же смекнула: быть прекрасной музой этакого мастера — гораздо круче, нежели сниматься в кино. Их союз оказался типичен для эпохи. Богема и самореклама. На выставке предъявлена скандальная вещьца "Моя жизнь" (1916), где помимо Веры Боссе изображена и первая супруга — танцовщица Ольга Глебова. Любовный многоугольник средь комедиянтов — таков сюжет полотна. Между прочим, Вера Боссе не остановится на Судейкине — потом, уже в эмиграции, она станет госпожой Стравинской, переживёт многих и скончается в 1982 году в городе Нью-Йорке.

Работа Игоря Грабаря "Васильки" — тоже ребус, ибо и здесь две жены, правда, в 1914 году ничто не предвещало грядущих перемен. И — трагедий. Героини полотна, сёстры Валентина и Мария, — племянницы живописца Николая Мещерина, с которым Грабаря связывала давняя дружба. Огненно-рыжая, непредсказуемая Валя стала женой художника, и они прожили бы славно до конца дней... Прожили бы. Кроме того, "мирикусник", эстет Грабарь удивительным образом вписался в советскую действительность, продолжив карьеру уже в качестве мэтра соцреализма. Но! У супруги обнаружилось тяжёлое расстройство. Лечение в клинике для партийной элиты не помогло и как-то раз Валентина Грабарь...исчезла из дома. Её попросту не смогли найти. Тогда художник взял в жёны младшую — темноволосую рассудительную Марию, которая, хоть и приняла все заботы о доме, так и не смогла заменить Вальчку. На двойном портрете с васильками все ещё живы да счастливы — никакими войн, революций и болезней. Мир — осмыслен и даже немного скупен. А лето стояло сухое, солнечное, благоуханное.

Любимая жена Бориса Кустодиева, Юлия Прошинская, — ничем не напоминает привычный нам "кустодиевский" тип красоты. Где буйство плоти, льянные косы до пояса и яблочный румянец? Напротив, мы видим стройную — до художбы — женщину с изящными кистями. Юлия часто позировала мужу — одна или с детьми. Однако же, устроители экспозиции выбрали портрет 1908 года. Уютно и по-домашнему. Буржуазная респектабельность обстановки. Супруга — в изысканном, по моде шитом чёрном платье, которое делает её совсем тонкой. Свет направлен не столько на жену, сколько на дочь Ирину — жизнерадостного, толстощёкого "куpidончика". Мало кто знает, что самые роскошные, вселёлые картины из купеческой жизни Кустодиев писал, будучи глубоко и страшно

Портрет Ю.Е. Кустодиевой с дочерью Ириной (1908). Художник Борис КУСТОДИЕВ.

большим человеком, а Прошинская была не только возлюбленной музой, но и сиделкой. Он умер в 1927 году, продолжая много и плодотворно работать уже при советской власти. Глядя на его картины, сложно вообразить, что автор испытывал невыносимые страдания. Супруга пережила Кустодиева и скончалась только в 1942 году — в блокадном Ленинграде.

Кузьма Петров-Водкин познакомился со своей Марой в Париже, куда приехал "за вдохновением". И — нашёл. Притом — совершенно случайно и как-то прозаически. Мария-Жозефина Иванович — французженка с сербскими корнями — была дочерью хозяев пансиона, где русские путешественники часто снимали комнаты. Знакомство переросло в симпатию. Мари согласилась ему позировать, а художник, недогдо думая, сделал ей предложение во время третьего сеанса. Счастливыи брак с мадемуазель Иванович стал поворотным пунктом — художник обрёл свой непередаваемый стиль. "Я рад, что у меня есть моя Мара, которая с полной доверчивостью входит в мою тяжёлую жизнь. Ты занимаешь первое место в моих мыслях и желаниях", — писал он жене. На представленном портрете (1906) — строгая темноволосая дама, выглядящая немного старше своих лет. Нет фатально-испелющей красоты, модной в эпоху Серебряного века. Отсутствует и милая покорность, столь ценямая во все века. Это — воля и разум. Ухоженность без фантовства и "липкой" сексапильности.

Галина ИВАНКИНА

Джуньетто КБЭЗА. "Мир на пороге войны", публицистика. Справки по телефону 8 (985) 256-91-24

Книга Джамбулата УМАРОВА "Фактор КРА. Противостояние". Справки по телефону 8-985-256-91-24

Н.И. ЛИБАН. "Русская литература. Лекции-очерки" в 3 томах. — М.: "Прогресс-Плеяда", 2014-2015. Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.

Приближаются льды к Подмоскьюю, Выхватит река до ручья, Победить безответной любовью Боевые порядки врага. И засеяно поле к закату, Но не видел никто, чтоб цвело. И никто не считал утраты, Потому что живым тяжело.

НЕПРОСТО ПОВЕРИТЬ, но юбилей настит культурного персонажа московского андеграунда, предводителя легендарных панк-формаций "Резервация здесь", "Банда четырёх" Ильё Малашенкова-Сантима.

Артист, способный задеть, возмутить и очаровать, Сантим умеет добиться желаемой реакции и завоевать новую публику.

Первый раз я увидел "Банду" на московском фестивале тура "Русский прорыв-96" — к появлению на сцене Сантима и К^О калужские бри-тогаловые, оказавшиеся на концерте достаточно случайно, практически полностью оккупировали зал. Но "Банду" они оценили. Или вспоминаю совместный концерт с Чёрным Лукичем в актовом зале какого-то режимного предприятия. Суровые сантимовские мелодекламации под полукаустическое трио заинтриговали сотрудничу-куратора: "И это прямо он сам сочиняет?!"

Мастер жеста, слова, фразы, Сантим способен на высокое поэтическое слово, но может создать знаковую песню, собрав речёвки футбольных хулиганов. Кстати, в узких кругах популярен и такой "низкий" жанр, как "анекдоты от Сантима".

"Какой Сантим всё-таки мудрый и добрый", — восхитился один мой друг, накоротке поговорив после концерта с уставшим и от самого выступления, и от классической подготовки к оному маэстро. Аттегстация меня не удивила, хотя, конечно, звучало это забавно про человека, только-только метавшего со сцены громы и молнии. При этом реакцию Сантима сложно предсказать — чего от него точно не стоит ожидать, так это за-программированных или автоматических ответов.

Сантим — человек европейской культуры, но если оказывается за границей, то непременно в глубокой Азии, и собирается ещё дальше от европейских столиц — в древние цивилизации.

Уважаю даже его футбольные предпочтения, хотя умеренно ценю только одну команду, а уж главных фаворитов — "Динамо" с "Арсеналом" — ни за что. Но у Ильи получается эстетичные переживания даже за не симпатичные мне клубы.

Пожалуй, неожиданным для многих в последние годы он превратился в кинодеятеля: пишет рецензии и обзоры для "Завтра", участвует в проектах вроде "Чёрного таксиста".

Сантим ограничен себе, своему возрасту. Он меняется, но неменяется достойно и красиво. От яростного бунтарства начала девяностых, пройдя через территории наоболев и "сердитых молодых людей", Сантим вышел к настроениям правого анархизма. Он способен устраивать себе встряски, увлекаться, дабы напиться энергией от актуального тренда. Но умеет и вовремя уйти в отказ. И то, что мир есть нечто большее, чем видимая "пена дней", — Сантим хорошо знает. Ныне его взгляд — спокойный, слегка ироничный, но не лишённый романтизма, взгляд джентльмена.

С юбилеем, Илья Леонидович! Живи!

Андрей СМЕРНОВ

ТАК ГОВОРIT САНТИМ:

* * *

Я всегда очень плохо представляю свою жизнь через слово "потом". В какой-то момент казалось, что и до тридцати не дожить, а уж до сорока точно не получится... Сейчас уже все эти сроки не отрицаю. Но "потом" для меня всегда играет очень малую роль. Вот сейчас я такой, а что будет завтра — посмотрим...

* * *

Многие свои песни я помню хорошо, они мне нравятся, но некоторые вызывают уже недоумение. Проблема в том, что я забыл, как я их написал, не помню настроения, с которыми они возникли. Поэтому их перезапись — это процесс воспоминания самого себя, допустим семилетней давности, что не очень комфортно.

* * *

Слава Богу, я не веду "музыкальную дорожку" и имею возможность слушать только то, что хочу и только когда у меня есть настроение. Так как настроения у меня особо нет, то слушаю минимум. Например, камбоджийский рок, кантри-проекты Яна Стоарта или Михаила Елизарова. Еду в машине, радио играет — вот и всё знакомство с новой музыкой. Да, открыл для себя Осмириона, после того как он уважительно упомянул в интервью "Банду четырёх" — и альбом "Горгород" мне очень понравился.

Видимо, причина в пресыщенности, переслушанности, потому что всё, что я хотел от музыки узнать — узнал. Зачем мне слушать альбом Joy Division, если я могу его вызвать по памяти, прокрутить в голове "от и до", безо всякого носителя и значительно быстрее.

По большому счёту, единственное исключение — при монтаже фильмов, когда собираются саундтрек, тогда слушаю основательно.

* * *

Как ни странно, но наиболее значительные вехи в моей жизни никак не связаны с творчеством: во-первых, это работа инженером-наладчиком на шахтах в Воркуте, Инте, на Донбассе, во-вторых, сержантские поганы и гвардейский значок.

* * *

Мне очень сложно планировать дальше какого-то определённого момента. Да и неинтересно. Жить интересно. Но если раньше мне нравилось принимать участие в жизни, во всех её проявлениях, то сейчас стал больше наблюдателем.